

Е. А. ДОБРЕНКО**Сталинский стиль: поэтический пролог**

Революция — это букварь для народа.

Андрей Платонов. Чевенгур

О том, что Сталин начинал как поэт, его биографы обычно вспоминают для того, чтобы показать, что еще в ранней юности будущему диктатору были свойственны романтизм и увлечение едва ли не ницшеанскими фантазиями.

Стихотворения молодого Сталина обратили на себя внимание патриарха грузинской литературы и общественной мысли Ильи Чавчавадзе, решившего напечатать их в редактируемой им газете «Иверия» в 1895 году; а затем грузинского общественного деятеля М. Келенджеридзе, который, составив в 1901 году пособие по теории словесности, поместил в книге среди лучших образцов грузинской классической литературы стихотворение за подписью Сосело (один из первых псевдонимов Иосифа Джугашвили). Спустя шесть лет Келенджеридзе составил и издал «Грузинскую хрестоматию, или Сборник лучших образцов грузинской словесности», своего рода грузинский букварь, в котором помещено стихотворение Сталина, посвященное Рафаэлу Эристави.

Стихи молодого Сталина были типично ученическими, если не сказать школярскими. В них перепевались мотивы грузинского романтизма, который был очень сильным направлением в грузинской литературе. В нем доминировали два начала — бунтарское, вообще свойственное поэтам-романтикам, и историко-националистическое — все грузинские романтики обращались к золотому веку в истории Грузии, видя в нем потерянный идеал. Все это накладывалось на резкие перепады настроений бунтующего автора и мятущегося героя. В одном из самых ранних из опубликованных стихотворений Сталина «Луне» он воспекает ее бледный свет, который должен «развеять тумана мрак густой» и «озарить отчий край». Земля при этом изображалась как «скрытая тучами», «сонная», но величественная: стремящиеся ввысь льды Казбека — типичный образ грузинской поэзии. Стихотворение полно преувеличенно-романтической, на грани шаржа, жестикуляции («Я грудь свою тебе раскрою,

/ Навстречу руку протяну, / И снова с трепетом душевным / Увижу светлую луну»). Главная мысль автора многократно цитировалась биографами: «Но твердо знай, кто был однажды / Повергнут в прах и угнетен, / Еще сравняется с Мтацминдой, / Своей надеждой окрылен».

Несомненно, такой фигурой является Пророк — фигура знаковая не только в грузинской, но и в русской литературе (достаточно указать на Пушкина и Лермонтова). Но если Пророк и Ангел русских классиков были прежде всего исполнителями воли Бога, полностью посвятившими себя высокому призванию, романтически чуждыми профанному людскому миру, то сталинский пророк — личность исключительно трагическая и одновременно лишенная какого бы то ни было религиозного измерения. В песне сталинского Пророка раскрывала себя отнюдь не божественная воля. В его «нехитрой песне», с которой «ходил он от дома к дому», «как солнечный блеск чиста, / Звучала великая правда, / Возвышенная мечта / Сердца, превращенные в камень, / Заставить биться сумел, / У многих будил он разум, / Дремавший в глубокой тьме». Однако ответом ему была только ненависть людей: «Люди его земли / Отверженному отраву / в чаше преподнесли. / Сказали ему: «Проклятый, / Пей, осуши до дна... / И песня твоя чужда нам, / И правда твоя не нужна!» Трагический сталинский Пророк лишен благодати, но сугубо литературен — это прежде всего романтический герой. Таким Пророком-героем в поэзии является прежде всего сам Поэт.

Романтическая поэзия всегда содержит значительный элемент авторского самоконструирования. По сути же, сталинские стихи — это метапоэзия. Она посвящена... поэзии. В стихотворении, посвященном известному грузинскому поэту князю Эристави, Сталин изображает его то в театрально-народнической позе «певца», «тронутого до слез крестьянской горькой долей», то в образе «юноши влюбленного», который «ей посвящал свои мечты» и «с тех пор с народом воедино... связанный узами любви». Вся эта, несомненно, вторичная образность проникнута сильным националистическим духом. Когда поэт «ликовал, взволнован величием своей страны», песни его звучали, «словно / Лились с небесной вышины. / Когда, отчизной вдохновленный, / Заветных струн касался» он, то «в сердце каждого грузина» он «памятник воздвиг себе». Подвиг поэта не

бесплоден: его «награда увенчать должна» — всенародная слава и способность «перешагнуть грань веков». Однако здесь-то и настигает поэта судьба романтического Пророка, столкнувшегося с бездуховной толпой.

Трагизм сталинского героя тотален. Это не только поэт, пророк, но и старый крестьянин Ниника, «сломленный злою сединой», его «плечи мощные поникли, / Стал беспомощным герой». Молодец, он играючи орудовал «неистовым серпом»: «Проходил по полю шквалом / Сноп валился за снопом». Не то теперь: «А теперь не ходят ноги — / Злая старость не щадит... / Все лежит старик убогий, / Внукам сказки говорит. / А когда услышит с нивы / Песню вольного труда, / Сердце, крепкое на диво, / Встрепенется, как всегда. / На костыль свой опираясь, / Приподнимется старик / И, ребятам улыбаясь, / Загорается на миг». И крепкое сердце беспомощного старика, и улыбка ребятам — все это лишь напоминает о приближающейся смерти. Судьба старика Ниники — трагический удел каждого. Но о чем бы ни шла речь, автор не покидает пределов сугубой литературности.

Юный Сталин был типичным эпигоном, а его стихи — настоящим кадастром штампов европейского романтизма и персидского орнаментализма (персидская поэзия вообще оказала сильное влияние на грузинскую): бесконечные воспевания сияния луны, озаряющей «мир земной», сменяются здесь «бледной синевою», когда «над рощею в лазури рокочут трели соловья», «звенящие в горах ключи и ветра нежное дуновенье» здесь непременно контрастируют с «темным лесом в ночи» и «крошечной тьмой томимой» душой, здесь благословенная и чистая «надежда голосом могучим» пробуждает сердце и вновь — «стремится ввысь душа поэта». Поэт отличается от рифмоплета тем, что осознанно относится к собственному письму. Пушкинская самоирония, с которой тот преодолевал романтизм, демонстративно обнажая прием (знаменитое «Читатель ждет уж рифмы розы; / На, вот возьми ее скорей!»), абсолютно чужда сталинскому письму, которое в своем эстетическом развитии в начале XX века еще пребывает в веке XIX.

Квинтэссенцией этой поэзии может служить стихотворение «Утро», которое состоит из двух частей, каждая из которых утрированно выражает два основных начала сталинского письма — романтическую метафорику и нравоучительно-патрио-

тическую дидактику: «Раскрылся розовый бутон, / Прильнул к фиалке голубой, / И, легким ветром пробужден, / Склонился ландыш над травой. / Пел жаворонок в синеве, / Взлетая выше облаков, / И сладкозвучный соловей / Пел детям песню из кустов: / «Цвети, о Грузия моя! / Пусть мир царит в родном краю! / А вы учебою, друзья, / Прославьте Родину свою!» Достаточно заменить буколистический пейзаж на индустриальный, детей — на пионеров, а соловья (неприменно, конечно, сладкозвучного, а потому малопригодного для советской литературы) — на ветерана революции, и мы получим советскую детскую поэзию.

В поэтическом стиле Сталина прежде всего обращает на себя внимание опора на традицию, доходящая до рабской подражательности, и отсутствие чувства меры. Очевидно, что автор несколько не замечает (и даже не ощущает) абсолютной китчевости произведенных им текстов. В полном отсутствии самоиронии легко прочитывается невоспитанность чувств и антимодернистская установка, которая распространялась у Сталина не только на художественный авангард, но и на модернизм в целом (начиная с декаданса и символизма и заканчивая космополитизмом и стилевой неконвенциональностью). Его опора на традиционный романтизм — во всем диапазоне его стилевых конвенций: орнаментальная красота, национализм, героическая поза и т. д. — очевидным образом будут воспроизведены в соцреализме.

Однако эстетическая ретроградность приобретает совсем иное измерение, когда речь заходит об эстетике политической репрезентации. То, что убийственно для поэзии, оказывается исключительно продуктивным в политике. Так, китчевая красота, отсутствие чувства меры и стилевая конвенциональность оборачиваются в политике абсолютным «чувством массы» — точной проекцией массовых вкусов; опора на национальную риторику и язык возвышенного — ответом на массовое же беспокойство; романтическая приподнятость и героика — сублимацией стихийных тревог, испытываемых массами. Отсутствие самоиронии оборачивается знаменитым сталинским черным юмором и редким политическим цинизмом. Да и сам романтизм с его опорой на позитивный национально-исторический идеал, чуждый космополитическому модернизму, и преувеличенной возбужденностью, также чуждой модернистскому ра-

ционализму, легко вырождается в исторический детерминизм и логизирование. Словом, подобно тому, как романтическая поэзия породила соцреализм, она породила сталинскую политическую прозу.

Б. М. БИМ-БАД

«Стихи юного Сталина»

<Из книги «Сталин родом из детства, отрочества, юности. Истоки жизненного стиля И. В. Сталина»>

НАХОДКА

В статье «Стихи юного Сталина» (газета «Заря Востока», 1939, 21 декабря, когда Советская страна отмечала 60-летний юбилей великого вождя) некто Н. Николаишвили сообщил, что Сталин написал шесть стихотворений. Пять из них были опубликованы в 1895, а шестое — в 1896 г.

Первые пять стихотворений появились с июня по декабрь 1895 г. в ежедневной тифлисской газете «Иберия», которую редактировал знаменитый грузинский поэт князь Илья Чавчавадзе. Сталин участвовал в убийстве этого князя и поэта несколькими годами позже.

Шестое было опубликовано в июле 1896 г. в социал-демократической газете «Квали» («Борозда»).

Николаишвили сообщает, что только два стихотворения из «Иберии» имели название. Одно — «Луне», другое, посвященное известному грузинскому поэту князю Рафаилу Эристави, так и называлось — «Р. Эристави».

Стих, появившийся в «Квали», назывался «Старец Нининка».

Первые пять стихотворений были подписаны «И. Дж-швили», а шестое — «Сосело» (уменьшительно-ласкательный вариант имени Сосо).

Николаишвили заявил, что эти стихи «написаны с огромным литературным вкусом, на языке народа» и что поэзия молодого автора привлекла к себе внимание. Так, в 1901 г. «идуций навстречу общественности М. Келенджеридзе, составляя труд о грузинском языке, поместил в него стихи за подписью Сосело среди лучших образцов классической грузинской литературы».